
НИКИТА МАСЛОВ
ТУДА, ГДЕ ТЕБЯ ЖДУТ

Никита Маслов

Туда, где тебя ждут

«Автор»
2026

Маслов Н.

Туда, где тебя ждут / Н. Маслов — «Автор», 2026

Дома начинают рушиться не тогда, когда по штукатурке ползут трещины, а когда люди внутри перестают слышать друг друга.Четырнадцатилетний герой привык прятаться в своей комнате за спасительным словом «Ничего». Он знает на ощупь каждую половицу старого дома, помнит счастливые лица молодых родителей на выцветшем снимке и каждый вечер прислушивается к давящей тишине за стеной. Но одна невинная детская просьба взрывает хрупкое перемирие, превращая дом в поле боя.Хлопнув дверью, он шагает в ледяную ноябрьскую ночь. Впереди — чужой ночной город, свет фар патрульных машин и гаснущий экран телефона с оборванным на полуслове сообщением от матери. Позади — пустая комната и жёлтый лист, забытый на полу.Случайная встреча в тёмной арке и старый отцовский компас со сломанной стрелкой запускают цепь открытий, которые перевернут всё его детство. Ему предстоит понять: побег — это не смелость. Взросление начинается тогда, когда ты находишь силы повернуть назад. Туда, где тебя ждут.

© Маслов Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дом, который слышал всё 6
Утро, которое всегда начиналось одинаково 9
Трещина, которой раньше не было 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Туда, где тебя ждут

Дом, который слышал всё

Дом, в котором я вырос, стоял в конце старой улицы, где почти никогда ничего не происходило. Если пройти несколько кварталов дальше, начинались новые районы с высокими домами, широкими дорогами и яркими вывесками магазинов, где вечером всегда было много людей, машин и света, но наша улица оставалась такой же, какой, наверное, была много лет назад. Дома здесь стояли близко друг к другу, будто люди когда-то специально построили их так, чтобы они могли поддерживать друг друга, когда становилось холодно или страшно, хотя никто никогда об этом не говорил. Заборы вокруг дворов давно потеряли свой первоначальный цвет, деревья выросли настолько высокими, что закрывали окна верхних этажей, а тротуарная дорожка возле нашего дома была покрыта трещинами, в которых после дождя долго оставалась вода. Я часто смотрел на эти маленькие лужи и видел в них отражение нашего дома, перевёрнутое и искажённое, и мне почему-то казалось, что именно таким он и должен был выглядеть: немного другим, чем его видели остальные люди.

Когда взрослые проходили мимо нашего дома, они никогда не задерживали взгляд. Для них это было просто здание, такое же, как десятки других вокруг. Они не замечали, что одна доска возле входной двери всегда была немного темнее остальных, потому что туда годами попадала вода во время дождей. Не замечали, что окно моей комнаты закрывалось хуже других и зимой через него пробирался холодный воздух, от которого даже одеяло казалось тоньше. Не замечали, что в коридоре возле старого шкафа всегда пахло древесиной и чем-то ещё, что я никогда не мог определить, но этот запах был со мной столько лет, что стал частью самого дома. Наверное, именно поэтому мне иногда казалось, что дом помнит всё происходящее внутри него. Не так, как люди помнят события, которые могут рассказать друг другу, а иначе — молча, оставляя всё внутри себя, как старую вещь, которую никто больше не достаёт, но и не выбрасывает.

Я не могу сказать, что в детстве я боялся нашего дома. Это было бы неправдой. Страх появился позже. Сначала было просто ощущение, что некоторые места в нём отличаются от других. Моя комната была самым спокойным местом, потому что там всё принадлежало мне: книги на полке, старая тетрадь на столе, несколько рисунков, которые я давно перестал показывать кому-либо, маленькие вещи, которые для других людей не имели никакого значения. Но стоило мне выйти в коридор, и всё менялось. Не потому что там было темнее или страшнее, а потому что там начинался другой мир — тот, в котором находились взрослые, разговоры которых я не всегда понимал, взгляды которых не всегда мог объяснить и молчание которых иногда пугало сильнее любых слов.

В моей комнате было окно, которое выходило во двор. Оно было старым, с деревянной рамой, которую за много лет перекрашивали столько раз, что новые слои краски уже давно скрыли под собой прежние, и в некоторых местах она стала настолько толстой и неровной, что казалось, будто это окно закрыто не стеклом и деревом, а временем. Зимой из маленьких щелей между рамой и стеной пробирался холодный воздух, и по утрам на стекле появлялись тонкие узоры инея, которые я мог рассматривать по несколько минут, пока остальные в доме занимались своими делами. Отец несколько раз говорил, что окно нужно заменить, особенно после очередной холодной ночи, когда ветер пробирался внутрь и заставлял комнату становиться такой же холодной, как улица, но эти слова каждый раз оставались только словами. Они появлялись в один день, звучали уверенно, будто действительно что-то изменится, а потом постепенно исчезали среди других разговоров и дел, как будто их никогда и не было.

Я не злился из-за этого. В детстве я вообще редко злился на то, что взрослые делали или не делали. Мне казалось, что у всего есть причина, просто я ещё слишком маленький, чтобы её понять. Если отец не меняет окно — значит, сейчас есть что-то важнее. Если мама после ужина

остаётся одна на кухне и долго сидит там, когда все уже разошлись по своим комнатам, значит, ей просто нужно подумать. Если они начинают говорить тише, когда я прохожу рядом, а потом резко меняют тему, значит, разговор был не для меня. Дети редко сразу замечают трещины в том мире, в котором живут. Они смотрят не на то, что начинает разрушаться, а на то, во что им хочется верить. Им хочется думать, что взрослые знают ответы, что родители понимают больше, что за каждым решением стоит какая-то логика, даже если её невозможно увидеть. Наверное, поэтому я долго не замечал того, что происходило вокруг меня. Я видел отдельные моменты, отдельные слова, отдельные взгляды, но не понимал, что они постепенно складываются в одну картину. Для меня каждый день существовал отдельно от другого, каждый вечер был просто вечером, каждая пауза в разговоре была просто паузой, и я ещё не умел замечать то, что позже стало казаться очевидным.

За окном росло старое дерево, которое было выше нашего дома и своими ветвями почти касалось стекла моей комнаты. Летом оно закрывало двор от солнца, и даже в самые жаркие дни в комнате сохранялась прохлада, а осенью именно оно первым начинало меняться. Листья постепенно становились жёлтыми, потом темнели, а потом один за другим срывались с ветвей и исчезали где-то во дворе. Я мог долго сидеть на подоконнике и наблюдать за этим, забывая обо всём остальном. Мне нравился тот момент, когда лист ещё держался за ветку, но ветер уже начинал двигать его из стороны в сторону, будто он сам не знал, стоит ли ему оставаться или пора отпустить. Иногда он держался дольше остальных, словно цеплялся за дерево из последних сил, а потом всё равно падал вниз, присоединяясь к сотням таких же листьев, которые уже лежали на земле. Тогда мне казалось странным, что люди почти никогда этого не замечают. Они проходят мимо деревьев, смотрят под ноги, думают о своих делах, разговаривают по телефонам, куда-то спешат, будто ничего вокруг них не происходит. А ведь каждый год перед их глазами меняется целый мир, просто они слишком заняты, чтобы остановиться и посмотреть.

Наверное, именно поэтому мне нравилось замечать то, что другие пропускали. Я мог запомнить, как свет падал на стену в определённое время дня, как менялся звук дождя в зависимости от силы ветра, как старый дом по-разному звучал утром и ночью. Мне казалось, что в таких мелочах было что-то настоящее. Возможно, поэтому я часто оставался один. Не потому что мне не хотелось быть с людьми, наоборот, иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь просто сел рядом со мной и ничего не спрашивал. Не пытался понять, что случилось, не говорил, что всё обязательно станет лучше, не давал советов, которые я не просил. Просто был рядом. Но объяснить это я никогда не мог. Некоторые чувства в детстве кажутся слишком большими и сложными, чтобы превратить их в слова. Ты можешь долго думать о чём-то, прокручивать разные варианты в голове, пытаться найти правильное объяснение, но когда тебя спрашивают, что происходит, ты отвечаешь только одним словом.

«Ничего».

Это слово я использовал слишком часто.

Когда мама спрашивала, почему я стал таким тихим, я говорил, что ничего.

Когда в школе меня спрашивали, почему я не хочу идти гулять после уроков, я говорил, что ничего.

Когда кто-то замечал, что я слишком долго смотрю в одну точку и будто не слышу, что мне говорят, я снова отвечал, что ничего.

Со временем люди перестают задавать вопросы, если слишком часто слышат один и тот же ответ. Они привыкают к нему. Начинают верить, что действительно ничего нет.

К вечеру дом постепенно менялся. Днём он принадлежал всем сразу: маме, которая готовила на кухне, переставляла посуду, открывала шкафы и всегда находила какую-нибудь мелочь, которую нужно было сделать; отцу, который после работы садился за свой стол, иногда смотрел в телефон и долго молчал; мне, который ходил из комнаты в комнату, искал свои книги, забывал закрыть шкаф или оставлял карандаши там, где их потом невозможно было найти.

Но когда солнце уходило за дома напротив и свет в окнах становился мягким и жёлтым, каждый будто возвращался в своё маленькое пространство. Разговоров становилось меньше. Шаги становились тише. Даже сам дом словно начинал говорить вполголоса.

Мама почти всегда оставалась на кухне дольше всех. Я часто видел полоску света из-под двери, когда уже лежал в своей комнате. Иногда слышал, как она моет посуду, хотя тарелок оставалось совсем немного. Иногда открывала шкафы, что-то искала, потом закрывала их обратно. Это были самые обычные звуки, которые другой человек, наверное, даже не заметил бы, но почему-то именно они запоминались мне сильнее всего. В них было что-то спокойное. Что-то, что говорило мне: пока слышны эти звуки, всё ещё нормально.

Отец обычно приходил позже.

Я узнавал о его возвращении ещё до того, как слышал его голос. У каждого человека были свои звуки, и со временем я научился различать их. Кто-то громко закрывал дверь, кто-то сразу начинал говорить, кто-то бросал ключи на стол так, будто хотел избавиться от них как можно быстрее. Отец всегда сначала несколько секунд стоял в прихожей. Я никогда не понимал почему. Иногда мне хотелось спросить его об этом, но такой вопрос казался мне странным.

«Пап, почему ты каждый раз стоишь у двери, когда приходишь домой?»

Я не мог представить, что взрослому человеку вообще можно задать такой вопрос. Мне казалось, что взрослые не должны объяснять свои странности детям. Они просто делают то, что делают.

Тогда я ещё не понимал, что взрослые тоже иногда совершают поступки, которым сами не могут найти объяснения.

Я просто слушал.

Слышал, как поворачивается ключ в замке.

Как дверь медленно открывается и касается стены.

Как ключи ложатся на маленькую деревянную полку возле входа.

Как отец снимает куртку.

Как мама говорит:

— Ты пришёл.

И как после этого иногда наступает пауза.

Не всегда.

Не каждый день.

Но иногда.

И именно в эти моменты я переставал писать или читать и просто сидел неподвижно, прислушиваясь к тому, что происходило за пределами моей комнаты. Я не знал, чего именно жду. Возможно, ничего. Возможно, просто хотел понять, каким будет этот вечер.

Утро, которое всегда начиналось одинаково

Утро в нашем доме всегда начиналось задолго до того, как я открывал глаза. Тогда я ещё не понимал, что у каждого дома есть своё время пробуждения, свои первые звуки и свои привычки, которые со стороны могут показаться совершенно незаметными. Для кого-то утро начиналось с будильника, для кого-то с первой чашки кофе, для кого-то с новостей по телевизору, который включали ещё до того, как окончательно проснулись. В нашем доме оно начиналось с тихих шагов матери на кухне и с того особенного состояния тишины, которое бывает только ранним утром, когда ночь ещё не успела полностью уйти, а новый день ещё не успел занять её место.

Я часто просыпался именно из-за этих звуков. Не потому что они были громкими, наоборот, мама всегда старалась двигаться тихо, словно боялась потревожить не только меня, но и сам дом. Она закрывала шкафчики осторожно, ставила кружки на стол без лишнего шума, открывала воду так, чтобы струя не ударяла сильно по раковине. Иногда мне казалось, что она умеет разговаривать с вещами. Не словами, конечно, а своими движениями. Старая дверь на кухне никогда не скрипела, когда её открывала она, хотя я прекрасно знал, что стоит мне потянуть её чуть сильнее — и весь дом услышит этот звук.

Наверное, человек привыкает ко всему, что окружает его каждый день. Он перестаёт замечать вещи не потому, что они становятся менее важными, а потому что они становятся частью его самого. Мы редко думаем о собственном дыхании, пока оно не становится тяжёлым. Не замечаем, как ходим, пока не появляется боль в ногах. Не задумываемся о привычных голосах рядом с нами, пока однажды не понимаем, что больше никогда их не услышим.

Тогда я не думал об этом.

Для меня утро было просто утром.

Я лежал в своей кровати и смотрел на потолок, пока первые полосы света пробивались через старое окно. В зависимости от погоды комната выглядела по-разному. В солнечные дни она казалась больше, будто стены немного отступали, позволяя свету заполнить всё пространство. В пасмурные дни она становилась меньше и тише, словно весь дом вместе с улицей за окном прятался от чего-то невидимого.

Мне нравились такие дни.

В них было меньше ожиданий.

Когда на улице шёл дождь, никто не торопился выходить. Люди двигались медленнее, машины ехали осторожнее, двор становился почти пустым. Даже дерево за моим окном выглядело иначе. Его ветви под тяжестью воды опускались ниже, листья становились темнее, и казалось, будто оно тоже на время уставало.

Я часто думал, что деревья похожи на людей больше, чем кажется. Они тоже меняются постепенно. Не в один день. Никто не просыпается утром и вдруг не становится другим человеком. Всё происходит маленькими частями, которые сначала никто не замечает. Одна ветка становится слабее. Один лист начинает желтеть раньше остальных. Одна привычка появляется там, где её раньше не было.

Наверное, поэтому изменения так трудно увидеть.

Они никогда не приходят сразу.

Я поднялся с кровати, когда услышал, как мама открыла дверь моей комнаты.

— Ты уже проснулся? — спросила она.

Я повернул голову и увидел её в дверном проёме.

Она всегда выглядела утром немного иначе, чем днём. Не хуже и не лучше. Просто настоящей. Без той собранности, которая появлялась у взрослых людей, когда они выходили из дома

и становились частью большого мира. Дома она была другой. Её волосы иногда были собраны небрежно, на лице ещё оставались следы сна, а голос звучал тише.

— Да, — ответил я.

— Тогда собирайся. Завтрак уже готов.

Она сказала это спокойно, как говорила почти каждый день.

В детстве мне казалось удивительным, что некоторые вещи могут повторяться бесконечно и никогда не надоедать. Один и тот же путь в школу. Одна и та же лестница. Один и тот же стол на кухне. Одна и та же кружка, из которой ты пьёшь чай. Я не понимал, что именно эти повторения и создают ощущение дома. Не большие события, которые запоминаются на всю жизнь, а тысячи маленьких моментов, которые проходят мимо тебя незаметно.

Я оделся и вышел в коридор.

На стене напротив моей комнаты висели фотографии. Некоторые из них были настолько старыми, что цвета на них начали исчезать. Я видел их каждый день, но всё равно иногда останавливался возле них. Наверное, потому что фотографии всегда казались мне странными. Они показывали людей такими, какими они были в определённый момент, но ничего не говорили о том, что было до и после.

На одной фотографии были мои родители.

Они стояли рядом и улыбались.

Я долго не мог понять, почему именно эта фотография всегда заставляла меня задерживаться возле неё дольше остальных. Возможно, потому что люди на ней казались другими. Молодыми. Лёгкими. Такими, какими я их почти никогда не видел.

Для ребёнка родители существуют только в настоящем. Он редко думает, что когда-то они тоже были детьми, что у них были свои мечты, свои страхи, свои ошибки. Ему кажется, что взрослые сразу появляются такими, какими он их знает. Будто они никогда не сомневались, никогда не боялись, никогда не делали неправильный выбор.

Я смотрел на фотографию и не понимал, куда исчезли те люди.

Тогда мне казалось, что они просто стали взрослее.

Я ещё не знал, что иногда взрослость — это не когда человек становится сильнее.

Иногда это когда человек просто учится скрывать, насколько ему тяжело.

На кухне уже был накрыт стол. Мама поставила передо мной тарелку, налила чай и села напротив. Она редко ела вместе со мной. Обычно она занималась чем-то ещё: убирала, проверяла вещи, собиралась, думала о том, что нужно сделать за день. Мне казалось, что взрослые никогда полностью не находятся в одном месте. Даже когда они сидят рядом, часть их мыслей всегда где-то далеко.

— Сегодня холодно, — сказала мама, посмотрев в окно.

Я тоже посмотрел туда.

Дерево во дворе почти не двигалось.

Ветер был слабым.

— Да, — ответил я.

Мы снова замолчали.

Но это молчание не было неприятным.

Мне нравилось, когда дома было тихо. В тишине я мог слышать вещи, которые обычно терялись среди разговоров. Как работает холодильник. Как за стеной кто-то проходит по лестнице. Как на улице открывается дверь подъезда. Как где-то далеко проезжает машина.

Мне казалось, что в такие моменты дом разговаривает.

Просто не словами.

Отец вышел из комнаты немного позже.

Я сразу услышал его шаги.

Я всегда узнавал их.

У каждого человека был свой способ двигаться. Кто-то ходил быстро, будто всегда опаздывал. Кто-то тяжело ставил ноги, будто устал ещё до того, как начал идти. Отец ходил спокойно, но утром его шаги были медленнее, чем вечером.

Он вошёл на кухню, посмотрел на нас и улыбнулся.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответила мама.

Он подошёл ко мне и положил руку мне на плечо.

— Собрался в школу?

— Да.

— Всё взял?

— Да.

Он улыбнулся.

Это был обычный момент.

Настолько обычный, что я никогда не думал, что могу его потерять.

Отец был человеком, которого я не всегда понимал, но рядом с которым мне всегда хотелось находиться. Мне нравилось, когда он рассказывал что-то о своей работе, даже если я не понимал половины слов. Нравилось, когда он помогал мне что-то сделать. Нравилось, когда он смеялся.

В такие моменты я не видел в нём взрослого человека со своими проблемами.

Я видел просто папу.

И, наверное, именно поэтому дети так долго верят, что ничего плохого не может случиться.

Потому что для них родители — это не просто люди.

Это стены дома.

А дети редко думают о том, что даже самые крепкие стены когда-нибудь могут покрыться трещинами.

Трещина, которой раньше не было

Иногда мне кажется, что старые дома умеют замечать перемены раньше людей. Не потому, что они живые, а потому, что они существуют дольше человеческих разговоров, обид и обещаний. Люди могут месяцами делать вид, что ничего не происходит, продолжать завтракать за одним столом, спрашивать друг друга о самых обычных вещах, возвращаться домой в привычное время и даже улыбаться, когда это необходимо, но дом всё равно начинает меняться раньше них. Тогда я ещё не умел объяснить это словами. Я просто чувствовал, что некоторые звуки стали другими, некоторые паузы — длиннее, а некоторые вечера — тяжелее, чем раньше, хотя внешне всё оставалось почти таким же, как всегда.

В тот день я возвращался из школы той же дорогой, которой ходил много лет. Осень уже окончательно вытеснила лето, и улица выглядела так, будто кто-то постепенно стирал с неё яркие краски. Деревья вдоль тротуара почти полностью пожелтели, влажный ветер время от времени поднимал листья с земли и ненадолго закручивал их в воздухе, а небо было серым, но не тёмным — таким, какое бывает перед долгим дождём, который ещё не начался, но уже чувствуется в воздухе. Я шёл медленно, разглядывая мокрый асфальт, лужи у бордюров и окна домов, в которых уже загорался свет, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов. Мне нравились такие дни, потому что в них было меньше шума, меньше спешки и меньше людей, которые смотрят друг на друга, но почти никогда по-настоящему не замечают.

Когда впереди показался наш дом, я почему-то остановился чуть раньше обычного. Сначала мне показалось, что дело в свете: серое небо делало стены темнее, а старое дерево у окна моей комнаты отбрасывало длинную тень на фасад. Но потом я понял, что причина не в этом. Дом выглядел точно так же, как вчера, и всё же в нём было что-то незнакомое, как будто я смотрел не на него самого, а на его отражение в воде, где привычные линии остаются узнаваемыми, но становятся немного искажёнными.

Я открыл калитку и услышал её скрип. Этот звук я знал с детства, но в тот момент мне показалось, что он стал ниже и длиннее, будто дерево за лето набрало в себя слишком много влаги. Я даже остановился и медленно закрыл калитку обратно, а потом открыл ещё раз. Скрип повторился почти точно так же. Наверное, любой другой человек сразу бы забыл об этом, но я почему-то задержал ладонь на холодной доске и несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь к тишине двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.